

К XIII Апрельской
международной
научной конференции
по проблемам развития
экономики и общества

3–5 апреля 2012 г.
Москва

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

Д. Норт
Дж. Уоллис
С. Уэбб
Б. Вайнгаст

В ТЕНИ НАСИЛИЯ: УРОКИ ДЛЯ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННЫМ ДОСТУПОМ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Доклад

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2012

УДК 338(1-773)(04)
ББК 65.012.2
Н83

Доклад подготовлен авторами для XIII Апрельской международной научной конференции ВШЭ (Москва, 3–5 апреля 2012 г.) и обобщает результаты исследовательского проекта «Developing Institutions in Limited Access Orders», реализованного авторами при поддержке Governance Partnership Facility Всемирного банка в 2009–2011 гг. В анализе кейсов по отдельным странам участвовали А. Диаз-Кайерос, К. Кайзер, М. Хан, Б. Леви, Г. Монтинола, П. Навиа, П. Рой, С. Уолтерс и Дж. Ю.

Авторский коллектив:

Д. Норт, профессор Университета Вашингтона в Сент-Луисе, лауреат Нобелевской премии по экономике;
Дж. Уоллис, профессор Мэрилендского университета;
С. Уэбб, консультант Всемирного банка;
Б. Вайнгаст, профессор Стэнфордского университета

Перевод с английского *М. Дондуковского* и *Е. Леонтьевой*

Под научной редакцией *А. Яковлева* и *Л. Полищука*

Норт, Д.

Н83 В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности [Текст] : докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст ; пер. с англ. М. Дондуковского и Е. Леонтьевой ; под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 48 с. — 1500 экз. — ISBN 978-5-7598-0968-5 (в обл.).

УДК 338(1-773)(04)
ББК 65.012.2

ISBN 978-5-7598-0968-5

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Оглавление

Проблема экономического и политического развития	4
Логика порядков ограниченного доступа	8
Как улучшить ПОД? Первая задача развития	12
Порядки открытого доступа и переход к ним	16
Диагностические выводы из анализа конкретных случаев	19
Насилие и ренты	19
Динамика ПОД	21
В ПОД институты открытого доступа функционируют иначе	24
Принуждение к соблюдению правил со стороны организаций ПСД	25
Выводы для политики развития	28
Ренты и ограничение конкуренции	28
Организации, партии и личности.....	30
Демократия и выборы	34
Управление насильственным потенциалом.....	37
Программа дальнейших исследований	40
Литература	45

Проблема экономического и политического развития

Успех экономического, равно как и политического, развития главным образом зависит от усовершенствования институтов. Этот тезис не оспаривается в последние два десятилетия, поскольку мы стали очевидцами многих неудач в экономическом развитии, имевших место несмотря на значительный капитал, природные ресурсы и даже образованное население, которое эмигрирует или становится инертным, если институты не дают должным образом применить его способности. Вопрос в настоящее время стоит так: какие институты правильные? Иногда утверждают, что развивающиеся страны должны ориентироваться на институты самых успешных экономик стран ОЭСР. Однако мы вместе с некоторыми другими исследователями видим свидетельства того, что большинство стран с низкими и средними доходами не подготовлены для трансплантации многих западноевропейских или североамериканских институтов или что эти институты, даже будучи трансплантированы, функционируют в новых условиях иначе.

Наша цель — разработать и применить альтернативную концептуальную парадигму для понимания динамического взаимодействия политических, экономических и социальных сил в развивающихся странах (впервые изложена в: [North et al., 2009]¹). Стандартный подход связан с неоклассическими допущениями, что при наличии благоприятных возможностей и отсутствии политических или социальных препятствий для функционирования рынок всегда будет расти.

В рамках альтернативной перспективы мы исходим из того, что всем обществам необходимо решать проблему насилия. В большинстве развивающихся стран отдельные люди и организации активно пользуются (или угрожают воспользоваться) насилием, чтобы сосредоточить в своих руках богатства и ресурсы.

¹ Рус. пер. см.: *Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011.

Контроль над насилием — необходимое условие экономического развития. Во многих обществах потенциал насилия латентен: организации в целом воздерживаются от его использования, однако время от времени осознают, что насилие — полезное орудие для достижения их целей. Эти общества живут в тени насилия, и именно они составляют большую часть человечества во времени и пространстве. Использованию насилия препятствуют социальные договоренности, создавая для агентов, обладающих властью, стимулы договариваться друг с другом, а не вести борьбу. Динамика этих социальных договоренностей расходится с динамикой, описанной в неоклассических моделях, что ограничивает ценность неоклассических инструментов для понимания проблем развития.

Наша парадигма основана на результатах, полученных в ряде работ по политической экономии развития. В них, в частности, сделан акцент на контрастах исторического опыта различных стран с помощью детального анализа конкретных случаев [Abernethy, 2000; Bates, 1981, 2001; Haber et al., 2003; *The Second Mexican Revolution...*, 2008; Herbst, 2000; La Porta et al., 1999, p. 222–279; Landes, 1998; Мокыр, 1990; Spiller, Tommasi, 2007; Tilly, 1990]. Мы пытаемся учесть события, описанные в этих исследованиях. Другие авторы для проверки исторических истоков институциональных различий пользуются эконометрическим анализом [Acemoglu, Johnson, 2008, p. 949–995; Acemoglu, Robinson, 2006, p. 115–131; Engerman, Sokoloff, 2005]. Цель нашей парадигмы — дать новое институциональное объяснение того, почему определенные политико-экономические формы устойчивы на протяжении столетий. Еще одна группа исследователей разрабатывает теоретические модели политического взаимодействия, которые позволяют объяснить институциональные дисфункции, возникающие в развивающихся странах (см., например: [Buchanan et al., 1980; *The Logic...*, 2003; Cox, McCubbins, 2000; Levi, 1988; North, 1981; Olson, 1993, p. 567–575; *Democracy and Development...*, 2000]). Наша парадигма больше внимания уделяет вопросам насилия и организационных структур внутри элиты. В исследованиях, наиболее близких нашему подходу, не только беспристрастно проанализированы институты в развивающихся странах, но

и показано, что не существует простого или линейного отношения между институциональным и экономическим развитием [Collier, 2009; Easterly, 2001; Grindle, 2007, p. 553–574; Khan, 2004; Rents., 2000; Rodrik, 2007; Shirley, 2009]. Наш подход обеспечивает более систематическое объяснение некоторых выявленных в них нелинейных соотношений.

Другие авторы обсуждают, насколько институты развивающихся стран в качественном отношении отличаются от аналогичных институтов в странах с развитой экономикой. И если Маркс описывал отличия капиталистических обществ от предшествующих, то сегодня осознается и важность проблемы насилия в этих обществах, высказывается предположение, что они могут быть не подготовлены к введению некоторых институтов, широко распространенных в экономически более развитых странах [Huntington, 1968; Collier, 2009]. Стало понятно, что развивающиеся страны должны стремиться к «более или менее эффективному государственному управлению» («good enough governance»²), т.е. институциональные нужды в этих регионах качественно отличаются от нужд развитых стран [Grindle, 2007; Rodrik, 2007]. Исследователи осознали, что институциональная программа для развивающихся стран — это не то же самое, что идущее по нарастающей и линейное усвоение институтов в развитых странах [The Road..., 2010; Khan, 2004; Moore, 2010; Shirley, 2009]. По сравнению с этими более ранними работами наша целостная концептуальная парадигма заставляет задуматься о взаимодействии экономического и политического поведения, в качестве исходного пункта эксплицитно рассматривая проблему насилия.

Проблема насилия все больше волнует Всемирный банк. Важнейший пункт Доклада о мировом развитии 2011 г. звучит так: «Усиление легитимных институтов и государственного управления в целях упрочения безопасности граждан, занятости и справедливости является ключевым способом разорвать порочный круг насилия» [World Bank 2011, p. 2]. В этом докладе предлагается несколько измерений анализа в рамках общей идеи о том, что

² В отличие от ранее использовавшейся концепции «good governance». — *Примеч. А.А. Яковлева.*

создание массового доверия к институтам и удовлетворенность со стороны общества результатами их функционирования — в виде занятости и повышения уровня жизни — необходимы для снижения угрозы насилия. В рамках нашего подхода особое внимание уделяется природе организаций и отношений между их лидерами — элитой в широком смысле этого слова. В докладе признается значение торга и переговоров между элитами, но это видится в лучшем случае как временное решение проблемы насилия. Напротив, мы считаем, что этот торг составляет неизменное ядро развивающихся обществ, и пытаемся понять, какие типы торга способствуют позитивному экономическому и социальному развитию, а какие — нет.

Осмысление развивающихся стран как порядков ограниченного доступа с собственной социальной динамикой, а не как неудавшихся или несовершенных обществ открытого доступа, позволяет по-новому взглянуть на препятствия и инерционность их развития. В рамках такой перспективы различаются две задачи развития, которые обычно смешиваются. *Вторая* — переход от обществ с ограниченным доступом к порядкам открытого доступа, как это описано ниже. Обычно именно этой задачей занимаются специалисты по проблемам развития: как трансформировать развивающиеся общества в современные капиталистические демократии. Однако прежде чем общества будут в состоянии трансформироваться таким образом, они сталкиваются с *первой* задачей: как улучшить социальную организацию, чтобы обеспечить увеличение выпуска, снижение уровня насилия, стабильную политическую систему и повышение индивидуального благополучия граждан, при этом оставаясь в режиме ограниченного доступа?

Заемщики Всемирного банка обычно сталкиваются с первой задачей: развиваться с институтами ограниченного доступа, при этом избегая отката. Уроки, которые мы извлекаем из исследования конкретных случаев, прежде всего связаны с тем, как помочь странам, подобным Конго, достичь результатов, подобных мексиканским. Кроме того, имеется поучительный материал и о переходе к режиму открытого доступа, но главный акцент мы сделали на первой задаче развития как наиболее приоритетной.

Более глубокое понимание логики обществ с ограниченным доступом и закономерностей их развития сулит более существенные достижения в снижении уровня бедности и насилия.

Исследовательский проект, осуществленный при спонсорской поддержке Программы партнерства для развития Всемирного банка, включал проведение детальных исследований девяти стран с целью понять, какие именно идеи в концепции режимов доступа полезны для понимания задач развития и предлагаемых решений. Исследования проведены в следующих странах, имевших как успешный, так и негативный опыт: Бангладеш, Демократическая Республика Конго (ДРК), Замбия, Индия, Мексика, Мозамбик, Филиппины, Чили и Южная Корея.

Логика порядков ограниченного доступа

Согласно парадигме, изначально разработанной Д. Нортон, Дж. Уоллисом и Б. Вайнгатом, развивающиеся общества ограничивают насилие посредством манипулирования со стороны политической системы с целью создания рента, чтобы обладающие властью группы и лица поняли, почему им выгодно воздерживаться от использования насилия. Мы называем этот способ организации общества *порядком ограниченного доступа* (ПОД), и логика этих обществ объясняется в данной главе.

Порядки ограниченного доступа суть социальные договоренности — одновременно политические и экономические, благодаря которым мотивы к применению насилия исчезают. Даже в мире, где насилие представляет собой допустимый выбор, который не может быть достоверно предотвращен третьей стороной или центральной властью (правительством), можно ликвидировать стимулы к частичному или полному осуществлению потенциального насилия и тем самым не дать ему проявиться, позволяя частным людям и организациям продуктивно взаимодействовать друг с другом несмотря на возможность насилия. В парадигме ПОД подчеркивается значение организаций как способа порождения ренты и формирования стимулов, которые координируют индивидуальное поведение.

Мы раскрываем лежащую в основе нашего подхода логику на простом примере двух групп и двух лидеров (реальные общества гораздо больше и гораздо сложнее). История начинается с самоорганизующихся групп, которые невелики и у которых нет способа развить доверие между индивидами помимо текущих личных отношений. Члены одной группы доверяют друг другу, но не доверяют членам других групп. Так как члены обеих групп осознают, что в результате разоружения другая группа уничтожит или поработит их, они не станут складывать оружие. Чтобы избежать исхода в виде непрекращающегося вооруженного конфликта, лидеры этих групп соглашаются поделить землю, рабочую силу, капитал и благоприятные возможности в их мире между собой и соглашаются юридически закрепить (*enforce*) привилегированный доступ каждого лидера к своим ресурсам. Привилегии порождают ренты, и если в мирных условиях стоимость рент, которые лидеры получают от своих привилегий, превышает ее стоимость в условиях применения силы, то каждый лидер может с достоверностью полагать, что другой не станет воевать. Лидеры остаются вооруженными и могут достоверно угрожать окружающим, чтобы гарантировать привилегии каждого из них.

Важной чертой согласия между лидерами является их способность призывать друг друга на помощь для организации и дисциплинирования членов группы каждого лидера. Элитарные организации *ограничивают* возможность создания конкурирующих с ними структур — политических партий и корпораций — в современном контексте. Они могут установить такие ограничения в писаных законах, например, введя однопартийную систему или государственную собственность на все крупные экономические предприятия. Однако зачастую эти ограничения менее формальны — это регулятивные препятствия для входа на рынок или расширения новых компаний, аресты и физическое давление на сопротивляющихся индивидов и организации или же лишение последних доступа к медийным и финансовым ресурсам.

Эта договоренность графически представлена на *рис. 1*, где индивиды А и Б — два лидера, а горизонтальный эллипс обозначает договоренность между лидерами. Вертикальные эллипсы символизируют договоренности лидеров о контролируемых ими

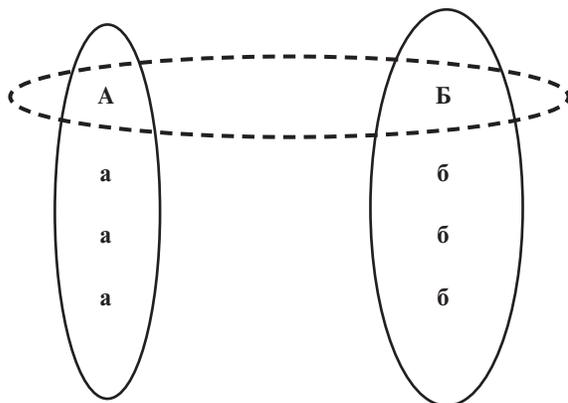

Рис. 1. Господствующая коалиция и два типа договоренностей

факторах производства и ресурсах через клиентские организации (а, б). Горизонтальная договоренность между лидерами становится убедительной благодаря вертикальным договоренностям. Ренты, которые лидеры получают от контроля над своими клиентскими организациями, дают им возможность связывать друг друга достоверными обязательствами, так как в случае срыва кооперации и возникновения борьбы их ренты сразу снизятся. Эти ренты от мирного сосуществования, которые утрачиваются в случае использования силы, создают стимулы к ограничению насилия.

Также здесь имеет место эффект взаимности. Согласие между лидерами позволяет каждому из них наилучшим образом структурировать их клиентские организации, поскольку они могут обращаться друг к другу за внешней поддержкой. В сущности, способность лидеров призывать друг друга на помощь может сделать их индивидуальные организации более производительными. Следовательно, ренты, которыми пользуются лидеры, поступают вследствие не только их привилегированного доступа к ресурсам и формам их реализации, но и способности лидеров создавать и поддерживать более производительные организации.

Коалицию среди лидеров мы называем *господствующей*. Эта коалиция обеспечивает — как третье лицо — механизм принужде-

ния к соблюдению договоренностей для каждой из организаций-участниц. Вертикальные организации могут быть организованы как политические партии, этнические группы, сети «патрон — клиент», военные, полиция или преступные семьи. Эффективная комбинация многочисленных организаций смягчает проблему насилия среди по-настоящему опасных групп людей, создавая достоверные обязательства между организациями, способными на насилие, путем структурирования их интересов, и дает некоторую уверенность, что у лидеров и их клиентов общие интересы, поскольку они делят между собой ренты.

На *рис. 1* господствующая коалиция изображена как пара индивидов, в реальности это, как правило, — организация организаций. Согласно парадигме ПОД необходимо обратить внимание на деятельность этих организаций в качестве не только распределителей купленных государственных должностей, но и ключевых институтов кооперации между организациями, способными к применению насилия.

Индивиды и организации, принадлежащие к господствующей коалиции, обычно обладают сложными комбинациями рент, и их интересы в максимизации рент через господствующую коалицию зачастую непредсказуемы. В результате ПОД не характеризуются неуклонно повышающейся стабильностью или неуклонно увеличивающейся производительностью. Скорее, возникают периоды стремительного роста и периоды стагнации или коллапса (см.: [North et al., 2009, chap. 1]).

Порядки ограниченного доступа не статичны. Когда общество ограниченного доступа поражает кризис, динамика господствующей коалиции заставляет ее сосредоточиться на рентах, старых или новых, которые поддерживают координацию и ограничивают насилие. Так было в случае Мексики в 1930-х, Чили — в 1970-х, Кореи — в 1960-х или Замбии — в 1980-х годах. Либо кризис может привести к всеобщему беспределу, как в Мозамбике в 1980-х, Конго начиная с 1990-х и России 1990-х годов. В эти переломные времена многое зависит от личности лидеров [The Road..., 2010]. Какое воздействие окажут новые ренты на экономический рост, предсказать нельзя. В каких-то случаях кажется, что новые ренты стали причиной социального упадка, как при клановом капита-

лизме Маркоса на Филиппинах. В других случаях новые ренты продвигают общества вперед, как в случае с привилегиями, дарованными консерваторам в чилийской конституции 1980 г. Неоднозначная роль рент в ПОД объясняет, почему их экономические показатели сильно варьируют.

Итак, ПОД сдерживают насилие, ограничивая способность групп образовывать политические, экономические, социальные, военные и другие организации для участия в общественной жизни. Ренты, созданные за счет этих ограничений доступа, образуют структуру стимулов, которая регулирует насилие: влиятельные группы и индивиды понимают, что в случае насилия их ренты исчезнут, а потому их миролюбивый настрой более вероятен. В центре всех — за исключением самых фрагментированных — ПОД стоит господствующая коалиция, организация, сплоченная переплетающимися интересами своих членов. У участников этой коалиции есть ценная привилегия: она предоставляет исключительные услуги третьей стороны по контролю соблюдения договоренностей как между организациями в коалиции, так и внутри них. Ренты, созданные этими исключительными привилегиями, входят в число стимулов, скрепляющих соглашения между организациями и их лидерами. Ограничение коалицией доступа к механизмам принуждения создает ренты и формирует интересы игроков в коалиции.

Как улучшить ПОД? Первая задача развития

Каким образом ПОД совершенствуются или регрессируют? Сегодня все страны с низким и средним доходом — это ПОД, но уровни душевого дохода в них могут различаться в 20 раз, отражая широкие расхождения в качестве институтов и экономическом развитии, которое они обеспечивают. Это отчетливо видно из *рис. 2*, где изображены траектории развития вышеперечисленных девяти стран.

Но что означает быть успешной развивающейся страной, более удачным ПОД, двигаться от уязвимости к зрелости? Ключ-

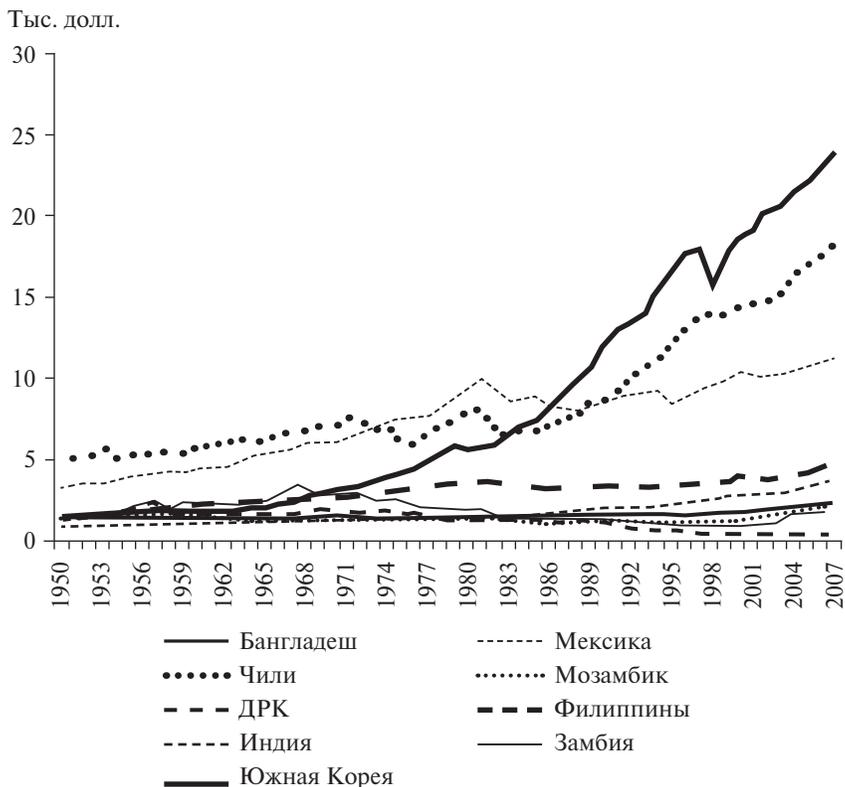

Рис. 2. ВВП на душу населения, выборка девяти стран, 1950–2007 гг.

Источник: [Heston et al., 2009].

чевыми для созревания ПОД мы считаем три процесса; их выявление означает существенное продвижение в анализе, и они положены в основу большинства современных мер по сокращению бедности.

Во-первых, некоторые ПОД вовлекают больше национальных организаций, способных на насилие, в отношении, благодаря которым реальное насилие успешно сокращается. Это, как правило, не предполагает подчинения всех их прямому контролю правительства (в веберовском смысле — монополии государства

на насилие)³. Скорее, это касается такого распределения ренто-порождающих форм деятельности в ПОД, при котором организации, способные к насилию, будут воздерживаться от его реального применения. Как свидетельствуют примеры Мексики или Индии, достичь устойчивого прогресса в этом направлении нелегко.

Во-вторых, ПОД достигают зрелости, наращивая масштаб отношений, при которых принцип верховенства права успешно и стабильно реализуется. Расширение верховенства права устойчиво, если оно согласуется с договоренностями, порождающими адекватные стимулы для обуздания насилия. Говоря о верховенстве права, мы не имеем в виду ситуацию, когда законы применяются ко всем гражданам без нарушений и искажений. Скорее, речь идет о том, что существуют механизмы принуждения к соблюдению некоторых законов (которые могут быть по-разному применены к разным людям). Даже когда его масштаб ограничен, верховенство права, по-видимому, помогает снизить уровень насилия и способствует экономическому росту. Верховенство права, которому подчинены все общественные отношения элит, в процессе созревания возникает поздно. Распространение этого принципа делает его действенным для более широких слоев населения еще позднее, и отдельные его аспекты могут стать универсальными раньше других.

В-третьих, ПОД созревает во времени также по мере повышения достоверности, с которой государство обеспечивает организациям поддержку и контролирует соблюдение соглашений между ними. Укрепление государственных организаций — исполнительной и законодательной ветвей власти, вооруженных сил, полиции, важнейших политических партий, государствен-

³ Полная консолидация насилия под управлением политической системы — это некий аспект, в котором ПОД достигает порога перехода к порядкам открытого доступа (см. ниже). Это означает, что только специализированные организации (войска и полиция) могут применять насилие, эти организации контролируются правительством и руководствуются эксплицитными правилами применения насилия против граждан. Этот консолидированный контроль над насилием представляет собой некий шаг в разделении полномочий и личных интересов, отличительную черту стабильных и эффективных демократий [Cox, McCubbins, 2000].

ных профсоюзов — частично зависит от укрепления организаций вне государства (частных фирм, оппозиционных партий и т.д.). Эти государственные организации достигают большей слаженности и приобретают больше доверия, когда более уверенно и слаженно работают организации, не зависящие от государства, — так, чтобы государство могло перед ними отвечать за свои обязательства независимо от тех лиц, которые изначально эти обязательства приняли.

На уровне населения ключевыми результатами созревания ПОД выступают: снижение насилия, более предсказуемая система правоприменения, рост доходов, повышение уровня здоровья, уменьшение неравенства и расширение политического участия. На уровне организаций важнейшим результатом становится их укрепление как в частном, так и в общественном секторах, более надежная государственная поддержка и в итоге — способность элитарных организаций функционировать за пределами сферы непосредственного воздействия господствующей коалиции. На уровне элит важнейшими результатами станут рост уверенности в том, что верховенство права для элит будет реализовано беспристрастно и в итоге возникнут институты, в рамках которых отношение к элитам будет более справедливым и лично нейтральным, т.е. все более широкий круг элит будет жить по одинаковым правилам.

Наши исследования показывают, что реальные шаги в сторону вызревания ПОД по этим направлениям зависят от обстоятельств каждой конкретной страны. Действия, на которые были способны Мексика, Корея и Бангладеш для развития своих ПОД в 1990-е годы, качественно отличаются друг от друга и от того, что предпринималось прежде на протяжении XX в. Однако существуют и общие действия.

Во всех выбранных нами странах первые шаги на «хрупком» конце спектра ПОД были связаны прежде всего с достижением договоренностей о разделе рент между организациями, способными на насилие. Изначально эти соглашения достигались на личном уровне, как на Филиппинах и в Бангладеш. В Индии уровень развития институтов, основанных на правилах (а не на личных связях), существенно варьирует от штата к штату. Со временем

в обществах, развивающихся в направлении более прогрессивных институтов, персональный торг между элитами превращается в институты, основанные на правилах, — более последовательно, например, в Южной Корее, нежели в Мексике. Введение конкурентных выборов в этих странах было следующим шагом, осуществленным на более позднем этапе, и большинство из них по-прежнему не могут обеспечить открытый доступ или конкуренцию в политике и экономике.

По мере созревания ПОД возникает двустороннее взаимодействие нарастающей сложности и дифференциации правительственных организаций, с одной стороны, и параллельного развития (ненасильственных) частных организаций вне государства — с другой. В зрелых ПОД обязательства правительства в отношении определенных политических мер и институтов могут считаться более достоверными, так как частные организации элит в состоянии оказывать экономическое давление на правительство, если оно не соблюдает свои обязательства. Эта способность возникает, когда частные организации действуют для защиты своих интересов, касающихся дифференциации и автономии общественных институтов, например суда и центрального банка⁴. В этом смысле независимые организации элит не только становятся источником экономического развития — их присутствие позволяет вызревать более сложным институтам и организациям в рамках государственной системы. В то же время в отсутствие более сложных и влиятельных институтов государственного сектора, подобных судам, независимые частные организации не могут преуспеть.

Порядки открытого доступа и переход к ним

Чтобы понять, как устроены порядки ограниченного доступа, надо проанализировать *порядки открытого, или свободного, доступа* (ПСД). ПСД поддерживаются институтами, благодаря

⁴ Этот процесс играет более заметную роль в ПСД, где сложно устроенные частные организации в рыночной экономике выступают в качестве противовеса правительству и другим политическим организациям.

которым существуют свободный доступ и конкуренция: политическая конкуренция сохраняет открытый доступ в экономике, а экономическая — в политике. В ПСД государство обладает монополией на потенциальное и реальное насилие. Организованное насилие сосредоточено в военных и полицейских структурах; прочим организациям не разрешено применять насилие. Политическая система, являя собой пример всеобъемлющих и достоверных обязательств, контролирует организации, у которых существует монополия на легитимное применение насилия (войска и полицию). Политика в ПСД также связана с балансированием интересов влиятельных сторон, однако какие-либо серьезные угрозы насильственного изменения государственного строя отсутствуют.

ПСД благоприятствует экономическим, политическим и социальным группам, которые могут организовывать и реорганизовывать себя по своему усмотрению, чтобы — в ответ на политический курс правительства — преследовать свои интересы и оказывать на него давление с целью перемен. При наличии надлежащих конституционных институтов сильные частные организации помогают следить за тем, как правительство использует войска и полицию. Экономические организации — преимущественно корпорации — демонстрируют инновационную активность, а некоторые фирмы, с согласия господствующей коалиции или нет, достигают таких размеров, что приобретают политический вес.

Свободный доступ устойчив в обществах, где встраивание в экономическую, политическую, религиозную и образовательную деятельность открыто для всех граждан, пока они соответствуют стандартным обезличенным требованиям. Условия этого доступа требуют, чтобы государственная власть поддерживала те или иные формы организаций в указанных сферах и открывала всем гражданам свободный доступ к этим формам. Для всех граждан должен беспристрастно выполняться принцип верховенства права. Для обеспечения свободного вхождения в экономическую и политическую системы не нужно, чтобы доля населения, пользующегося свободным доступом, составляла 100%, такой доступ важен для решающей категории граждан.

Переход от ограниченного к открытому порядку доступа имеет две особенности. Во-первых, для зрелого ПОД можно выработать институциональные договоренности, которые дают возможность обезличенного обмена среди элит. Во-вторых, процесс перехода начинается, когда обнаруживается заинтересованность участников господствующей коалиции в расширении безличного обмена и, как следствие, последовательном увеличении масштабов доступа. В системе появляются изменения — от логики создания рент в условиях ограниченного доступа к логике их создания в условиях открытого доступа.

В ретроспективе общества, в которых развились устойчивые права собственности и верховенство права, начинали с принятия достоверных обязательств по поддержанию этих прав для элит. Позднее, как только права элит начали формулироваться на безличном уровне, появилась возможность распространить эти права на более широкие круги общества. Формулирование и закрепление законных прав происходило постольку, поскольку в обществах развивались сложные государственные и частные организации элит (например, в процессе созревания ПОД) и увеличивался объем заслуживающих доверия обязательств, которые могло принять государство [North et al., 2009]. Исторические примеры дают возможность говорить о *трех пороговых условиях*, благодаря которым ПОД могут перейти к открытому доступу: верховенство права для элит; поддержка бессрочно существующих организаций элит, как общественных, так и частных (включая государство); консолидированный политический контроль над организациями, способными на насилие (включая вооруженные силы и полицию).

Эти условия представляют собой высшую форму проявления трех способов совершенствования ПОД, которые мы обсудили выше. Исторически в первых обществах эти пороговые условия позитивно воздействовали друг на друга, обеспечивая переход к свободному доступу. Хотя не ясно, необходима ли историческая последовательность развития, в двух из рассматриваемых нами случаев, когда осуществлялся переход (Чили и Южная Корея), эти условия также были выполнены к 2000 г.

Все три пороговых условия согласуются с логикой ПОД, исторически они возникли внутри некоторых таких порядков. Учреждение законов и судов — это те средства, при помощи которых господствующая коалиция упорядочивает отношения в среде элит. Бессрочно существующие организации — это средство для более систематичного ограничения вхождения на рынок и создания рент. Консолидация военной силы и других орудий насилия в руках политической системы создает монополию на использование насилия, которая заметно сокращает частоту такого использования. В сочетании эти пороговые условия создают возможность существования обезличенных отношений внутри элиты.

В отличие от исторической модели, в которой общества с ограниченным доступом движутся взад и вперед между хрупкими, базовыми и зрелыми ПОД, переходы от ПОД к ПСД происходят довольно быстро, как правило, за 50 лет или меньше. До сих пор в истории не было зафиксировано ни одного возвратного движения от ПСД к ПОД.

Диагностические выводы из анализа конкретных случаев

Насилие и ренты

Попытки уменьшить насилие играют определяющую роль для всех ПОД, и все рассмотренные нами страны (кроме Замбии) прошли через периоды насилия в масштабах, которые грозили уничтожением государства. Такие события надолго сохраняются в памяти людей и отражаются на институтах, которые создавались для ограничения или предотвращения насилия. ПОД используют ренты, ограниченный доступ и привилегии для сдерживания насилия, предоставляя эти ренты и привилегии отдельным лицам и группам, способным на насилие, и создавая для них стимулы кооперироваться, а не бороться друг с другом. Влиятельные группы получают ценные привилегии, например, исключительные права на торговлю, монополию на производство цемента или на обеспечение доступа к телекоммуникациям, эксклюзивное право контролировать рынок в конкретном регионе или моно-

польное право импортировать товары повышенного спроса. На примере Мексики 1930-х годов, Индии и Бангладеш после их разделения и Мозамбика на исходе гражданской войны после 1992 г. видно, как распределение рент между организациями, способными на насилие, помогло создать стимулы к снижению реального уровня насилия. Многие страны Тропической Африки использовали специальные государственные компании с монопольным правом продажи отечественных товаров на мировом рынке, чтобы извлекать ренту из деятельности фермеров, производящих сельскохозяйственную продукцию на экспорт [Bates, 1983]. Полученная этими госпредприятиями рента частично направлялась на поддержание низких цен на продовольствие, умиротворяя тем самым городских рабочих, которые в противном случае могли взбунтоваться и свергнуть правительство. Те, кто был способен пойти на насилие и беспорядки, получали привилегии — ренты, а остальные были бесправными и нередко подвергались эксплуатации.

Наш подход к анализу рент сильно отличается от принятого в литературе, ставящей во главу угла негативные аспекты рентоориентированного поведения [Buchanan et al., 1980; Krueger, 1974, p. 291–303] и заведомо непродуктивную деятельность [Bhagwati, 1982, p. 988–1002]. С точки зрения концепции ПОД, эти подходы игнорируют проблему насилия и неявно предполагают, что создание условий для извлечения ренты не имеет отношения к природе общества, в котором это происходит. Концепция ПОД, где акцент сделан на анализе насилия и нестабильности, показывает часто встречающуюся альтернативу: повышение гипотетической эффективности или обеспечение стабильности при более низком уровне насилия. При таком подходе возникает вопрос: в каких случаях ради поддержания или укрепления стабильности лучше пойти на дополнительные издержки для экономики или, возможно, на ограничение гражданских или политических прав? Наш подход и анализ отдельных случаев показывают, что вслед за устранением источников ренты отнюдь не всегда возникает конкурентная рыночная экономика (как предполагает теория заведомо непродуктивной деятельности), но вместо этого часто начинаются беспорядки и насилие.

В той мере, в какой создание рент в ПОД является средством обеспечения стабильности, ренты выступают симптомом, а не причиной проблем развития. Пытаясь избавиться от институтов и форм политики, порождающих экономически непродуктивные ренты и коррупцию, следует действовать так, чтобы избежать новой дестабилизации и насилия, препятствующих развитию в обществах с ограниченным доступом. Здесь часто допускаются ошибки. Например, в Бангладеш в 2007–2009 гг. при режиме чрезвычайного положения или на Филиппинах при президенте Маркосе и затем при Акино ошибки привели к деградации ПОД. Другие примеры из нашей выборки показывают, как можно удовлетворить требования главных организаций, способных на насилие, чтобы они остались в составе правящей коалиции, но не мешали развитию динамичных сфер экономики. Например, в Чили армия оставляла за собой 10% прибыли от добычи меди государством, но доступ в эту отрасль разрешался также частным компаниям, которые теперь дают большую часть продукции [Webb, 2010]. В Мексике в 1990-х годах большинство профсоюзов сохранились и даже укрепили свои позиции после соглашений сапатистов с властями, но Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA) также открыло много возможностей для создания новых фирм.

Динамика ПОД

Хотя тип социальной динамики в обществах с ограниченным доступом не меняется, эти общества не статичны. С переменной обстоятельств изменяются и важные черты каждого ПОД, хотя общая логика сохраняется в них на десятки лет и даже столетия. Перемены наступают в силу как экзогенных, так и эндогенных факторов. Меняются соотношения цен, климат, происходит смена технологий, глобализация, насильственные действия со стороны соседних государств — все это экзогенные факторы, которые выходят за рамки объяснительной схемы ПОД. Экономический рост или спад в самой стране, изменения в характере распределения рент, равновесие сил или дисбаланс в господствующей коалиции (включая потенциал насильственных действий) и стратегия

государственной политики относятся к эндогенным факторам. Концепция ПОД не объясняет всего, но помогает понять, как эти эндогенные факторы взаимодействуют друг с другом и с экзогенными факторами.

Во всех примерах в государствах происходили существенные перемены, но ПОД не исчезал. Тип государственного устройства в этих обществах варьировал от правления военных хунт (в некоторые периоды в Южной Корее, Чили и Бангладеш) до формально однопартийных правительств (Замбия в 1972–1990 гг., Мозамбик в 1975–1994 гг., Бангладеш в 1971–1975 гг.), правительств одной господствующей партии (Мексика в 1930–1990 гг., Индия в 1950–1970 гг., Мозамбик после 1992 г.), режимов «конкурентного клиентелизма», где допускается низовая конкуренция за государственные ресурсы и привилегии, контролируемые правящим классом (Индия, Замбия и Бангладеш начиная с 1990-х годов) и до правильной двухпартийной и многопартийной электоральной демократии (Филиппины в 1946–1972 гг. и с 1986 г. по настоящее время). Рассматривая процесс созревания обществ с ограниченным доступом по таким параметрам, как контроль над насилием, масштабы связей, подчиняющихся достоверным правилам верховенства закона, и длительность существования организаций и соглашений после ухода их основателей, мы видим, что скорость и направление изменений по этим параметрам неодинаковы. Прогресс или неудача по одному параметру может усилить другие, часто в одной стране движение идет в разные стороны в одни и те же годы.

Как показал негативный опыт Филиппин, Маркос использовал угрозу насилия, чтобы ввести военное положение в стране, которая была обществом с ограниченным доступом и электоральной демократией. Через несколько лет режим Маркоса пал, отчасти потому, что снижение цен на товары сократило размеры рент, которые мог раздавать Маркос, и поддерживавшая его коалиция распалась. Электоральная демократия вернулась, но, как и при Маркосе, новый режим воспроизвел ограничения доступа в экономике и политике, и Филиппины остались обществом с ПОД. Подобным образом Институционно-революционная партия долгое время (примерно с 1930 по 1990 г.) доминирова-

ла в мексиканской политической жизни. Эта партия потеряла монополию на управление страной в 1990-х годах и проиграла президентские выборы в 2000 г. В результате смены режима изменилось распределение рент между политическими партиями, однако в меньшей мере — между экономическими организациями. Мексика остается обществом с ограниченным доступом.

Позитивный опыт Южной Кореи и Чили показывает, что эти страны достигли порогового состояния, а Южная Корея оказалась на пороге перехода к обществу с открытым доступом. Мозамбик развивался как ПОД, но с 1992 г. круг общественно-экономических групп под властью ФРЕЛИМО становился шире, и в течение последних 20 лет это позволяло предполагать, что из числа получателей рент не будет исключена ни одна влиятельная группа. Напротив, Демократическая Республика Конго погрузилась в хаос, как Мозамбик в 1980-х годах, а в Бангладеш начались трудности после попытки провести выборы в 2007 г. Индия и Замбия показали бóльшую стабильность, хотя в Индии все еще возникают вспышки экстремального организованного насилия. В ПОД часто бывают эпизодические кризисы и случаи регресса и попятного движения, как это произошло в Чили в 1970-х годах, в Бангладеш в 2007—2009 гг., в Венесуэле и России начиная с 1990-х годов. Кризисы и беспорядки в Конго после падения Мобуту и в Мозамбике в 1980-х годах отодвинули эти общества назад в диапазоне ПОД от базового к нестабильному уровню. В более хрупких, менее зрелых ПОД обычно меньше внутренних механизмов саморегулирования для адаптации политических решений к новым проблемам. Даже когда в ПОД сменяются лидеры или партии у власти, необходимость поддерживать господствующую коалицию при помощи рент означает, что новое руководство часто просто перераспределяет ренты. Высокая вероятность насилия в ПОД затрудняет формирование союзов и достижение новых политических компромиссов для выхода из кризиса. Перед лицом кризисов многие элиты начинают борьбу за сохранение своих привилегий, особенно если предлагаемые способы разрешения кризиса ведут к сокращению или отмене этих привилегий.

В ПОД институты открытого доступа функционируют иначе

Часто, особенно начиная с середины XX в., ПОД заимствуют институты из ПСД, но эти институты работают в контексте ограниченного доступа иначе и дают другие результаты⁵. Международные финансовые организации поощряют такие заимствования как часть программы реформ. Например, в большинстве ПОД существуют банки, во многих функционируют рынки ценных бумаг, но эти институты не способны аккумулировать сбережения большинства граждан, вкладывать деньги в предприятия и открывать возможности предпринимательства для граждан. Как показывает опыт Мексики, рынки капитала (особенно банки) недостаточно развиты, обычно дают кредиты «своим» людям, элитам, правительственным чиновникам и не финансируют новые компании и предпринимателей. На бумаге банки и фондовые рынки в этих странах могут выглядеть как институты обществ с открытым доступом, а некоторые фирмы могут быть даже дочерними компаниями корпораций из этих обществ, но они действуют как части своей системы, которая оставляет доступ ограниченным.

Это относится и к законам и другим политическим институтам, особенно к законодательству и выборам, о которых мы будем подробно говорить ниже. Формулировки этих законов, например, законодательства о социальном страховании или актов корпоративного права, выглядят как копии таких же правил в обществах с открытым доступом. Но применение и принуждение к соблюдению этих законов и программ в коррумпированных судах превращает их в дополнительный источник бенефиций для «своих». Это показывает мексиканская программа борьбы с бедностью, приня-

⁵ Для случая исторических ПОД, обсуждавшихся ранее [North et al., 2009], не существовало мира ПСД, более богатых и могущественных, у которых ПОД 1800-х годов — Великобритания, Франция и США — могли заимствовать институты. Однако сейчас элиты в ПОД зачастую получают образование в ПСД и привозят домой идеи и аргументы за или против адаптации институциональных форм ПСД у себя на родине.

тая правительством Салинаса (PRONASOL); правда, сменившая ее программа Progresia/Oportunidades опирается на относительно объективные, обезличенные критерии.

Принуждение к соблюдению правил со стороны организаций ПСД

Всем обществам с ограниченным доступом приходится решать проблему создания надежной третьей стороны для принуждения к исполнению соглашений, поскольку правительство чаще всего само является игроком, а не арбитром. В странах, переходивших к ПСД первыми — Великобритании, Франции и США, эта проблема стимулировала развитие институтов, которые привели их к такому переходу [North et al., 2009]. Многие современные ПОД часто прибегали к помощи обществ с открытым доступом — международных организаций, двусторонних донорских финансовых институтов, международных банков и других корпораций. Эта практика, по-видимому, получила особое распространение после 1950 г. Обычно такие организации приходят в страну как партнеры с кем-либо из членов коалиции местных элит, и они делят между собой ренты. Это может дать экономический эффект в среднесрочном плане, но снижает заинтересованность местных элит ПОД в создании собственной институциональной системы привлечения третьей стороны, которая в итоге дала бы больше преимуществ местным компаниям и гражданам (о роли третьей стороны см.: [Handler, 2010]). Наши примеры показывают большое разнообразие таких соглашений, некоторые их результаты положительные, некоторые — нет.

В три страны из нашей выборки были введены войска ООН с целью сохранения их территориальной целостности или восстановления порядка. В Южной Корее эта интервенция после тяжелой войны остановила военное вторжение с Севера. Присутствие международных вооруженных сил на протяжении 60 лет защищало границы страны. Внутри страны результаты не очевидны, так как иностранцы избегали открытого вмешательства в южнокорейскую политическую жизнь, однако повсеместное присутствие иностранных (главным образом американских)

войск дало косвенный эффект: предотвратило использование южнокорейской армии для подавления демократической демонстрации в 1987 г.

В Мозамбике режимы белых меньшинств Южной Родезии и Южно-Африканского Союза поддерживали антимарксистских повстанцев из РЕНАМО, развязавших в 1980-х годах 10-летнюю гражданскую войну. (Возможно, международные силы в рамках ООН предотвратили прямое вмешательство со стороны Южной Родезии и Южной Африки.) В начале 1990-х годов Ватикан был посредником при заключении соглашения о прекращении огня, что привело в Мозамбик миротворческую миссию ООН, под наблюдением которой в 1992 г. прошли выборы. С тех пор в этой стране выборы проходят регулярно. Хотя марксистская партия ФРЕЛИМО побеждает на выборах с растущим перевесом, страна стала получать большую экономическую помощь от стран ПСД (от которых стала зависимой), преследуя собственные цели в рамках Вашингтонского консенсуса, предполагающих уважение к правам собственности.

Предписания и вмешательство ООН помогли сохранить границы Республики Заир (Демократическая Республика Конго) на бумаге, но не остановили насилие внутри страны и вооруженные нападения извне. Если бы не вмешательство ООН, соседи, скорее всего, разорвали бы эту страну на части ради захвата ее ценных минеральных ресурсов. От этого могли бы выиграть некоторые районы страны, но вряд ли вся страна.

Возможность пользоваться международной банковской системой и ее гарантией прав собственности, предоставляемой вкладчикам, стало важным преимуществом для элит многих стран, кроме, пожалуй, Индии и Южной Кореи, которые создали собственные полноценные банковские секторы. Элиты Конго, Филиппин и в меньшей степени Замбии и Бангладеш использовали международную банковскую систему для перевода за границу активов, нажитых сомнительным путем. В Мексике начиная с 1920-х годов банковский сектор неоднократно подвергался нападениям, так как не нашел способа самозащиты путем дележа рент [Haber et al., 2003]; с середины 1990-х годов Мексика создала небольшую бан-

ковскую систему, почти полностью состоящую из иностранных банков и почти не обслуживающую клиентов вне элиты.

Важнейшую роль в экономике многих стран ПОД, включая Конго и Замбию из нашей выборки, сыграли прямые иностранные инвестиции в добычу минерального сырья. В этих странах иностранное инвестирование шло циклически, причем особенно льготные условия создавались в наиболее благоприятной фазе циклов, когда часть прибыли попадала в руки некоторых членов местных элит.

Горнодобывающие предприятия были большей частью анклавами, и международные организации, так или иначе помогавшие соблюдению порядка и соглашений в отрасли как третья сторона, не распространяли эти преимущества на остальную часть экономики. Мексика действовала особым образом, изгнав иностранные нефтяные компании в начале XX в. (в 1930-х годах), и с тех пор поддерживает монопольное положение государственной компании в этой отрасли. PEMEX и ее профсоюз стали главными игроками в экономике и политике Мексики, что имело неоднозначные последствия для остальных отраслей (подробно о горнодобывающей промышленности в других ПОД Латинской Америки см.: [Webb, 2010]).

Пример удачного целенаправленного международного вмешательства в нашей выборке дает Соглашение по многим видам текстильных волокон (MFA)⁶, согласно которому было введено ограниченное по сроку и ориентированное на экспорт субсидирование текстильной и швейной промышленности Бангладеш. Правительства большинства стран плохо справляются с ограничением субсидий новым отраслям промышленности по срокам, так как вместе с такими программами появляются мощные лobbистские группы, требующие продолжать субсидирование. Но международное сообщество включило в соглашение MFA нормы, на которые местные лobbисты не могли повлиять, и было ясно, что отрасли надо быстро стать конкурентоспособной.

⁶ Известно также как Соглашение по текстилю и одежде в рамках ВТО. — *Примеч. пер.*

Выводы для политики развития

Ренты и ограничение конкуренции

Как мы указывали выше, создание рент и ограничение конкуренции могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия для отдельной страны в зависимости от уровня ее развития. Следовательно, рекомендации для практической политики должны быть тоньше, чем простой совет снизить барьеры для входа и уменьшить ограничение конкуренции. В ПОД главной целью должно быть снижение уровня насилия, это необходимое условие экономического развития в любом варианте. После отмены рент нередко вместо конкурентной рыночной экономики возникает общество с массовыми беспорядками и насилием. Для долгосрочного развития ПОД важно, могут ли ренты стимулировать образование и рост производственного потенциала. Мы находим положительное влияние рент на производство (помимо предотвращения насилия) во многих странах нашей выборки: Чили, Южной Корее, временами в Мексике, Бангладеш и Индии.

В этих странах экономически эффективные ренты имеют две особенности: они не бессрочные и так или иначе связаны с прибыльностью фирм, которые их получают, — в дополнение к выгоде, реализуемой на рынке (см. также: [Rents., 2000]). Когда конкуренция за ренты превращается в игру с нулевой или отрицательной суммой, как это было на Филиппинах и в Республике Заир, сокращение совокупного запаса рент, которыми располагает правительство, становится причиной роста напряженности в рядах правящей коалиции. Ограничения доступа (создание рент), которые дают самые отрицательные последствия для эффективности, например, внешнеторговые барьеры и государственная монополия на телефонную связь в Мексике и Чили в 1970-х годах, следует рассматривать в свете того, как можно сокращать ренты, не нарушая равновесие в соотношении политических сил, обеспечивающем мир. Правда, в Южной Корее ренты крупнейшим фирмам (чеболям) были постепенно переведены из режима патроната, который действовал в 1950–1960-х годах, в ре-

жим стимулирования на основании успехов в расширении экспорта. В Мексике и других странах получатели рент могут процветать и теперь, хотя внешняя торговля стала намного более открытой и ее объем сильно вырос, так как небольшие в процентном выражении ренты можно собирать со значительно большего оборота. Более того, развитие экономики может открывать новые области для сбора рент. Хотя в Индии внешнеторговые тарифы были снижены, нет сведений о снижении общей нормы собираемых рент; коррупция значительно усилилась в сферах деятельности правительства, на которых можно больше заработать (например, на аукционах по продаже лицензий на частоты связи).

По мере движения обществ с ограниченным доступом к более высокому уровню в диапазоне ренты все чаще распределяются по обезличенным правилам. Например, в Южной Корее в 1960–1970-х годах лицензии на импорт и льготные ставки по кредитам распределялись между фирмами по итогам их успехов в экспорте. Но если общество регрессирует, прочная система распределения рент постепенно сменяется более персонализированной и менее устойчивой системой, как это произошло на Филиппинах, в Бангладеш и в крайней форме — в Конго.

Эти примеры показывают, что перераспределение прав собственности и контроля над производственными активами — и соответствующими рентами — оказывает важное воздействие на рост и на переход от привилегий к более объективным и равным гражданским правам. Вероятность положительного эффекта больше там, где перераспределение стимулирует предпринимательскую деятельность и создание реальных активов. Негативные результаты чаще бывают там, где перераспределение создает отношения политической зависимости. В рассматриваемых странах это видно на примере аграрных реформ.

В Южной Корее и на Тайване аграрные реформы дали доступ к экономической деятельности людям с низким уровнем доходов. На Филиппинах аграрной реформы не было, поскольку прежние формы владения землей предоставляли ренты большому числу могущественных заинтересованных сторон, включая плантации, которыми владели американцы. В Мексике проведенная после революции реформа не дала шансов бедным крестьянам, но при-

вела к неэффективному использованию земли. Крестьяне оказались привязанными к земле и зависящими от щедрых подачек, которые раздавала Институционно-революционная партия во время предвыборных кампаний.

Распределение рент в торговле и промышленности играет ключевую роль в поддержании политической стабильности. Однако значение торговых и промышленных рент для обеспечения экономического развития было неоднозначным.

В Бангладеш ренты от квот на экспорт текстильных товаров в последние годы действия этой системы позволили с помощью одной южнокорейской фирмы построить преуспевающую текстильную промышленность, ориентированную на экспорт. Хотя южнокорейские чеболи, державшие контроль над реальной экономикой в немногих руках, с выгодой пользовались государственной защитой своей олигополии, они накопили финансовые ресурсы, подняли свой технологический уровень и добились успехов в конкуренции на мировых рынках. Впоследствии правительство смогло сократить особые экономические привилегии чеболей, хотя они сохранили в экономике существенную рыночную власть. В Индии, Мексике и на Филиппинах мощные местные корпорации поддерживают личные связи с политиками, стоящими у власти, а иногда и с нелегальными организациями.

Там, где государство отдает важнейшие секторы экономики — добывающую промышленность и банки — в руки международных корпораций, последним нужна защита от популистских требований электората и других местных группировок (а иногда и от военных), а в ответ они предоставляют экономические преимущества тем, кто стоит у власти. Это заметно в Республике Заир, Замбии и на Филиппинах.

Организации, партии и личности

Ближе к «слабому» концу диапазона ПОД организации тесно привязаны к личностям их лидеров, а последние прямо встроены в господствующую коалицию. Примеры Конго, Бангладеш, Филиппин при Маркосе и Замбии в 1964–1991 гг. показали важность организаций, которые держались на конкретных личностях

и пытались уравновешивать влияние различных групп интересов в условиях неопределенности. В других случаях, например, в Западной Бенгалии под властью (марксистской) Коммунистической партии Индии и в Мексике под властью Институционно-революционной партии, главные политические организации меньше ориентировались на личности, что, по-видимому, придало стабильности этим обществам с ПОД.

Какой должна быть политика развития в отношении организаций? Какие организации следует поддерживать, и по каким правилам надо взаимодействовать с ними? Как и в проблеме рент, наши примеры показывают, что значение организаций для улучшения политической и экономической ситуации в ПОД зависит от положения дел в каждой стране. Когда страны из нашей выборки боролись за ограничение насилия, результатом обычно была консолидация политической власти и ограничение доступа к власти экономической. Это делалось для большей надежности и достоверности соглашений о распределении рент. Военные правительства работали как временные режимы, и эффективность политики развития зависела от их дисциплины в качестве организаций: они хорошо работали в Чили и Южной Корее, несколько хуже — в Бангладеш и на Филиппинах и хуже всего — в Конго. Минимизация роли военных в управлении экономикой, по-видимому, имела позитивное значение.

Полностью однопартийные правительства (Замбия в 1972–1991 гг., Мозамбик в 1980–1990 гг., Замбия / Демократическая Республика Конго в 1965–1990 гг. и Бангладеш в 1971–1975 гг.) работали плохо и с трудом могли поддерживать стабильность и способствовать развитию. Однако успехи Китая и Вьетнама за последние 30 лет показывают, что однопартийное правительство может быть успешным. На примерах Бангладеш и Замбии в 1970-х и 1980-х годах раскрываются две причины, по которым единственная партия у власти может быть не в состоянии восстановить порядок: 1) если в господствующей коалиции (партии) участвуют не все организации, способные на насилие, и/или 2) если слишком многие организации в этой партии претендуют на слишком большую долю при неизменных размерах ренты (а сами не создают никаких доходов от производственной дея-

тельности). Господствующие (но юридически не единственные) партии в Мексике и Мозамбике время от времени с успехом поддерживали порядок в своих странах и создавали благоприятные условия для экономического роста. Но единственная или господствующая партия становится помехой для принятия сложных и обезличенных обязательств, необходимых для дальнейшего экономического развития.

По мере перехода ПОД от слабого к базовому уровню организации укрепляются, и в конце концов некоторые даже оказываются долговечнее своих лидеров. Сами организации постепенно берут на себя важную роль в балансировании интересов, хотя какие-то сохраняют связи с личностями отдельных деятелей. Организация превращается в структуру, в которую встраиваются долгосрочные связи и отношения, а между самими организациями развиваются долговременные отношения. Южнокорейские чеболи на раннем этапе их развития, армия (во многих случаях) и государственно-частные организации в Мексике (PEMEX, TELMEX и Институционно-революционная партия) — это крепкие организации, которые предоставляют стабильную основу для взаимодействия групп интересов в политике и экономике, хотя сами декларируют ограниченный доступ и создание рент. Эти организации тесно связаны с правительством и с соотношением сил в обществе, но они долговечнее, чем их лидеры.

При дальнейшем созревании ПОД возникают организации, которые по существу независимы от государства. В Чили режим Пиночета перед своим уходом со сцены дополнил конституцию 1989 г. поправками, которые должны были укрепить и обезопасить позиции консерваторов. Исходя из развития событий в Чили в предыдущие 20 лет, можно было ожидать, что получив власть, альянс сил центристов и левых должен был переписать конституцию и изменить структуру основных государственных учреждений — например, органов законодательной власти. Вместо этого коалиция, придя к власти, на некоторое время оставила в силе консервативные положения конституции, включая гарантирующие независимость политических организаций. Чили еще не стала обществом с открытым доступом, но это зрелое обще-

ство с ограниченным доступом, явно стоящее на пороге трансформации.

Для проведения конкретной политики обычно гораздо полезнее помогать обществам с ограниченным доступом, чтобы их организации становились сильнее и подчинялись правилам, нежели пытаться установить полностью открытую экономическую и политическую конкуренцию в обществах, где угроза насилия надолго консервирует систему ПОД.

Исследования последних лет позволили лучше понять организации, их масштабы в различных обществах и некоторые особенности их структуры [World Bank 2003; De Soto, 1989⁷]. Были сделаны попытки оценить, насколько трудно организовать деловое предприятие, получить лицензию или принять устав корпорации. Обычно Всемирный банк и организации-доноры из стран с открытым доступом делали акцент на простоте открытия нового предприятия, «с нуля», но с точки зрения стран с ограниченным доступом следует обратить больше внимания на институты, которые помогают или мешают предприятию достичь размера, дающего ему политическое влияние и экономический вес. Кроме того, мы давно знаем, что во многих странах с ограниченным доступом коррумпированные суды не оказывают организациям основные услуги, например обеспечение исполнения контрактов или залоговых договоров для получения кредитов в банках (см., например, работу историков, в которой проводится сравнение структуры корпораций в Великобритании, Франции, Германии и США: [Guinnane et al., 2007, p. 687–729]).

Исследуемые страны дают хорошие примеры продвижения в диапазоне от неустойчивости к зрелости. Южная Корея ушла от персонифицированного подхода к мощным организациям — чеболям, хотя последние сохранили важные позиции в составе господствующей коалиции. Со временем в Южной Корее стали относиться к ним более безлично — как к одному из видов организаций, а в последние годы — даже как к одному виду в общем классе организаций (хотя чеболи все еще обладают колоссаль-

⁷ Рус. пер.: *De Soto Э.* Иной путь. Невидимая революция в третьем мире. М.: Catallaxy, 1995.

ной рыночной властью). Напротив, на Филиппинах организации перешли к привилегиям более личного и исключительного характера. А. Монтинола, президент Банка Филиппин, приводит документальные свидетельства тесных личных связей режима Маркоса с руководителями экономических организаций. Для стран, которые достигли стабильности 20 лет назад или даже ранее, наши примеры показывают, что важно расширять круг организаций, получающих поддержку не только на первых порах, способствовать достижению организациями сложно устроенных договоренностей и обязательств внутри себя и между собой, необходимых фирмам для достижения статуса элит.

Демократия и выборы

В рамках Вашингтонского консенсуса выборы стали главным институтом ПСД, который должен был экспортироваться в ПОД. Если рассматривать девять стран сквозь призму нашего подхода, то можно сделать два вывода: во-первых, институт выборов в ПОД существенно отличается от демократического режима в ПСД, и, во-вторых, выборы в странах ПОД иногда, но не всегда, играют положительную роль, даже если они не свободные и не честные.

Согласно традиционному консенсусу сообщества стран-доноров достоинство демократии в том, что это основное средство, гарантирующее политическую свободу. Этот консенсус предполагает, что страны должны быстрее двигаться по пути к выборам и демократическим реформам. В конце концов, кто против укрепления свободы и гражданского контроля над правительством? Многие примеры из нашей выборки показывают, что эта программа действий часто не соответствует реальности. Слишком быстрый переход к демократии может подорвать социальную стабильность в стране. В других случаях выборы могут быть полезны как стабилизирующий ритуал, пусть даже они не отражают желания народа иметь подотчетное правительство. В слабых обществах с ограниченным доступом, только недавно избавившихся от переворотов и гражданских войн, выбор между стабилизацией и движением к демократии особенно труден [Collier, 2009].

В обществах, где политические организации строятся как сетевые отношения между патроном и клиентами, т.е. в обществах с сугубо персональными формами организации политической жизни, выборы часто приводят к тому, что патрон использует голосование как еще одно средство обмена с клиентами, отдающими свои голоса за привилегии и другие услуги [Keefer, 2008, р. 371–406]. В таких условиях выборы могут помочь стабилизации ПОД, так как дают всем разумный и общепризнанный способ оценить соотношение сил между различными группировками. В этом смысле выборы увеличивают вероятность того, что организации, способные на насилие, мирно договорятся о том, кому достанется власть, увеличив стабильность в обществе и предотвратив откат к новому насилию. Тем не менее выборы этого рода не могут привести к демократии, которая существует в обществах с открытым доступом; они, скорее, консервируют режим ограниченного доступа. Однако, исходя из принципов нашего анализа, можно считать, что такой исход неизбежен и, видимо, представляет собой этап на пути таких обществ к зрелости.

Здесь уместен вопрос: не могут ли выборы в отдельных ситуациях облегчить экономическое и политическое развитие внутри диапазона ПОД? Анализ выборки показывает неоднозначные результаты выборов в конкретных случаях: дестабилизируют политическую систему (Чили в 1973 г. и Бангладеш в 2007–2009 гг.), помогают укрепить политический контроль (Мексика в 1930–1990-е годы, Филиппины в 1946–1972 гг. и с 1986 г. по настоящее время и Замбия в 1972–1990 гг. при формально однопартийном правлении), санкционируют мирный переход к разделению власти (Замбия в 1992 г., Мозамбик в 1994 г., Мексика в 2000 г., Индия в 1977 г., Чили в 1989–1990 гг.) или предоставляют подлинный выбор между отчетливо выраженными альтернативами (Чили после 1990 г.). Южная Корея продвигалась к демократии относительно медленно, а в Чили в 1970-х годах было движение назад к диктатуре; но сейчас обе страны служат примером успехов на пути долгосрочного экономического и политического развития.

Выборы, даже несвободные и несправедливые, могут быть полезны для стабилизации политических ритуалов в ПОД. В нашей

выборке есть примеры такого рода: выборы в Мексике в XX в. при господстве Институционно-революционной партии, общенациональные выборы и выборы в штатах Индии, выборы в Замбии в 1972–1990 гг. и на Филиппинах после ухода Маркоса. Иногда это заметные шаги в движении страны с ограниченным доступом к политическому прогрессу — такими были выборы в 1990 г. в Чили и в 1987 г. в Южной Корее, восстановившие гражданское правление; в 1994 г. в Мозамбике, когда было ратифицировано соглашение о мире; выборы 1977 г. в Индии, завершившие годы недемократического правления Индиры Ганди; выборы 1991 г. в Замбии, после которых Каунда мирно признал поражение.

Стойкая приверженность свободным и справедливым выборам на западных условиях может подорвать роль выборов в обществе с ограниченным доступом. Выборы, проведенные при должным образом институционализированных правилах признания результатов (когда партия, находившаяся у власти, добровольно уходит) или давшие неприемлемые результаты с точки зрения действующего баланса сил в экономике, часто завершаются тяжелыми периодами нестабильности и насилия. Так было в Чили в 1973 г., в Пакистане и Бангладеш в 1970 г., в Кении в 2007–2008 гг. Уроки таких ситуаций в Бангладеш, ДРК и Южной Корее около 1960 г. состоят в том, что программа наведения порядка во власти не всегда должна требовать немедленного проведения выборов, но должна признавать необходимость предварительно ввести в действие адекватные институты для проведения выборов и признания их результатов, пусть и несправедливых по меркам обществ с открытым доступом.

В некоторых ПОД политики в результате конкурентных выборов попадают в зависимость от пожертвований экономических организаций (крупных компаний и т.д.), что ослабляет желание и готовность правительств сдерживать монополистическую практику и открывать более широкий доступ к хозяйственной деятельности. Эти последствия выборов видны на примере Мексики с начала 1990-х годов и Южной Кореи после 1987 г., где остался и даже вырос уровень концентрации экономической деятельности. В Индии и Бангладеш ситуация более сложная: политики откровенно защищают интересы «большого бизнеса», который их

поддерживает, но рост числа игроков делает экономику в целом более открытой. То же самое происходит в политической жизни Южной Азии, где новые организации появляются на свет более свободно.

Управление насильственным потенциалом

В большинстве ПОД вооруженные силы и полиция — лишь элементы более широкого множества организаций, обладающих потенциалом насилия. Сквозь призму концепции ПОД видно, что «государство по Веберу», имеющее монополию на насилие, само по себе не есть желаемое последствие определенного политического курса, это, скорее, следствие исторического процесса, не стоящее на повестке дня в большинстве ПОД. Помощь слабому государству ПОД в создании сильной армии и полиции не решит проблем развития, во многих случаях она приводит к еще большему подавлению противников и извлечению рент. В других случаях это совершенно провальный путь. В обществах с открытым доступом укрепление вооруженных сил в качестве угрозы применения насилия служит средством сдерживания преступности, но этот способ нельзя перенести в ПОД, где правительства обычно не могут удержать армию и полицию от рентоориентированного поведения.

Ключ к пониманию проблемы состоит в том, что успешно действующие ПОД ограничивают беспорядки, создавая организациям мотивы не прибегать к насилию; для этого государству редко нужно использовать свою монополию на насилие. В Конго сложилась наиболее явная ситуация, когда укрепление одной группировки и наименование ее «правительством» не привело к тому, что другие группировки стали меньше прибегать к насилию. Примеры Бангладеш, Филиппин и Мозамбика также показывают, как переплетаются между собой отношения официальной армии, полиции и других организаций, использующих насилие.

Хотя насилие — главный элемент во внутренней динамике каждого ПОД, Всемирный банк лишь недавно обратил внимание на насилие как на политически важную тему. Принято считать,

что проблемы преступности и насилия находятся за пределами государства; общества, в которых насилие широко распространено, считаются недееспособными или постконфликтными государствами. Помощь Всемирного банка традиционно направлена на поддержку их восстановления и в меньшей мере — на причины и ликвидацию текущих вооруженных конфликтов. World Development Report 2011 и наше исследование отражают попытки Банка более глубоко проанализировать проблему насилия. Наши примеры, за исключением, пожалуй, ДРК, показывают, каким образом страны значительно сократили масштабы насилия, хотя и не избавились от него навсегда. Концепция ПОД поможет определить, насколько опыт одной страны в этой выборке существен для конкретной ситуации в другой стране.

В обществах с открытым доступом контроль над армией и полицией встроены в ответственную политическую систему, которая эффективно ограничивается политической и экономической конкуренцией. Но в ПОД правительство редко в состоянии держать под контролем все организации, способные прибегать к насилию или прибегающие к нему. В большинстве стран нашей выборки (за исключением Замбии, Индии и Мексики начиная с 1930-х годов) официальная армия и полиция активно участвовали в политическом процессе. В Южной Корее, Чили, Бангладеш, на Филиппинах и в Конго армия (или армии) в некоторые моменты была либо до сих пор остается главной действующей силой и в государственном устройстве, и в экономике. В этих странах армия — не столько организация под контролем правительства, сколько одна из организаций, соперничающих за контроль или влияние на правительство. В Мозамбике с момента обретения независимости в 1974 г. не было отчетливого разделения между военными и правящей партией ФРЕЛИМО.

Роль военных — лишь один аспект в сложном балансе сил между мощными организациями, от взаимодействия которых зависит стабильность либо нестабильность в обществе ПОД. Создание путем ограничения доступа связано с поддержанием равновесия сил и влияний. В ПОД власть неотделима от непрерывного балансирования интересов влиятельных групп, когда эти группы в состоянии свергнуть формально существующее правительство

или затруднить экономическую жизнь угрозой насилия либо его реальным применением. Во всех странах (кроме Чили) были или в настоящее время существуют невоенные организации (одни из них — легальные, другие — нет) с серьезным потенциалом насилия, которые сыграли свою роль в распределении политической власти и экономического богатства.

Ниже в таблице приведен список организаций, имеющих потенциал насилия, из девяти исследуемых стран.

Невоенные организации, имеющие потенциал насилия

Страна	Официальные или легальные организации	Неформальные или нелегальные организации
Демократическая Республика Конго	Местные народные ополчения и полиция	Иностранные военные
Мозамбик	Нет	Повстанческая группа RENAMO
Замбия	Профсоюзы	Этнические группировки
Бангладеш	Политические партии	—
Индия	Политические партии	Маоисты (включая наксалитов и повстанцев), организации религиозного, кастового и племенного происхождения
Филиппины	Профсоюзы, студенческие группировки	Коммунистическая партия Филиппин, Новая народная армия, Исламский фронт освобождения моро (MILF), «Абу Сайяф»
Южная Корея	Профсоюзы, студенческие группировки, корейская разведслужба (до 1987 г.)	Партизанские формирования (до Корейской войны)
Мексика	Местная полиция, профсоюзы	Наркокартели, сапатисты
Чили	Нет	Нет

В европейской истории армия и полиция устанавливали монополию на насилие после многих лет развития других общественных, политических и экономических организаций, способных надежно и достоверно ограничить военных [North et al., 2009]. Сначала монопольный контроль формировался в рамках более общего процесса развития, который привел эти страны на порог трансформации, что помогло организациям и самому государству всегда быть жизнестойкими и способными обеспечивать выполнение обезличенных правил, в том числе правил контроля над армией и полицией. Кроме того, и это важное свойство монополии в данных исторических примерах, она позволила власти сочетать контроль над армией со способностью достаточно хорошо защищать страну от внешних врагов и одновременно отстранить армию от внутреннего распределения рент. Это повторилось в Южной Корее после 1950 г., хотя корейская разведслужба более активно участвовала в установлении военной диктатуры в стране. В Чили у армии была хорошая профессиональная (неполитическая) репутация еще с XIX в., лишь отчасти утраченная в годы правления Пиночета, так как военные воздерживались от вмешательства в повседневное управление страной. Неспособность гражданской власти держать военных под контролем проявилась также в Бангладеш, на Филиппинах и в Конго, но этого не было в Мексике, Замбии или Индии.

Программа дальнейших исследований

Уроки, которые мы извлекли из анализа стран нашей выборки, делают представленную концепцию более всеобъемлющей и уточняют ее. Правда, предстоит многое сделать для улучшения как самой концепции, так и рекомендаций для политики.

Итак, главная задача развития — понять, как можно добиться улучшений *в рамках ПОД*. Для повышения уровня жизни людей это дает больше, чем переход к режиму открытого доступа, так как их доходы пропорционально растут, а случаев насилия становится меньше. Попытка проскочить эти стадии и сосредоточиться на переходе от ограниченного к открытому доступу, ско-

рее всего, будет безуспешной. Если попробовать взять отдельные элементы обществ с открытым доступом — открытый доступ на рынки, новую правовую систему, демократию — и перенести их в общество с ограниченным доступом, это, скорее всего, не работает. Наша концепция объясняет, почему такие меры не работают; однако мы лишь начали выявлять комбинации политических мер, которые по-настоящему действенны, и эти комбинации необходимым образом связаны с зависящими от ситуации сочетаниями укрепившихся институтов ПОД и модифицированных институтов ПСД.

Другой важнейший круг концептуальных проблем — *ренты*, особенно необходимо лучше понимать различия между рентами, облегчающими развитие и препятствующими ему, а также между рентами, которые представляют собой, по сути, стимулы к сохранению мира, и теми, которые можно поменять без риска эскалации насилия.

В нашей концепции подчеркивается роль *организаций* в процессе развития. Возможны несколько способов увеличивать силу и эффективность организаций: делать их доступнее, улучшать правовые и иные инструменты, используемые организациями для собственного воспроизводства и для установления отношений / заключения контрактов друг с другом. Мы слишком мало знаем о том, как соотносится облегчение жизни организаций и устранение рент, которые порождаются ими и дают стабильность обществам с ограниченным доступом.

Дальнейшего изучения требует роль сторонних организаций, в том числе ООН, многосторонних и двусторонних гуманитарных организаций и негосударственных учреждений, в экономическом развитии. Такие организации могут уменьшать угрозу насилия, помогать выполнению соглашений, пактов и даже конституционных норм; но для этого они во многих случаях должны работать иначе, нежели в настоящее время. Чтобы легче было постепенно улучшать их работу, мы должны больше знать о работе этих организаций в рамках ПОД (теоретико-игровой анализ роли сторонних организаций см. в: [Handler, 2010]).

Поскольку насилие занимает главное место в структуре ПОД, важна проблема *ограничения насилия*. Очевидно, что люди в этих

обществах будут лучше жить, если можно будет предотвращать насилие и связанные с ним трудности. Взгляд сквозь призму ПОД помогает увидеть, как насилие можно ограничивать и как это делается в реальности. Тем не менее мы должны знать больше, особенно о том, как правительства способны в различных обстоятельствах предотвращать насилие, быть может, не прибегая к монопольному контролю над ним и принимая меры к уменьшению угроз и нарушений прав граждан. Предоставление правительству ПОД монополии на насилие может дать ему еще больше прав на ограничение доступа и создание рент.

Анализ стран, изученных в рамках нашего проекта, дает возможность рассмотреть и другие примеры. Французское агентство развития (AFD) уже начало работу по Китаю, Вьетнаму, Буркина-Фасо, Берегу Слоновой Кости, Гане, Кении, Турции, Пакистану, а также Тамил-Наду и Гуджарату (индийским штатам). Сейчас во Всемирном банке действует более 50 проектов по оценке политической и экономической ситуации, финансируемых Фондом межправительственного партнерства. Это позволит лучше понять, как наши концептуальные рамки работают в странах, остающихся обществами с ограниченным доступом несмотря на серьезные перемены.

Большинство стран, осуществивших переход к открытому доступу или по крайней мере выполнивших пороговые условия, расположены в Европе или основаны европейцами. Страны Скандинавии и Нидерланды, по-видимому, прошли этот путь перед Первой мировой войной. Германия, Австрия, Италия и Испания прошли такую трансформацию во второй половине XX в. внутри ЕС, миновав существенный регресс до уровня базовых ПОД в период между войнами. Важен также случай Японии. Евросоюз предоставил странам Восточной Европы общие условия и правила игры для движения к порогу и, вероятно, к переходу к обществу с открытым доступом, хотя недавние события повышают вероятность регресса. Изучение выборки, состоящей из этих стран, поможет лучше понять, какие условия необходимы для развития обществ с ограниченным доступом в остальном мире и как международное сообщество, занимающееся проблемами развития, может оказать им соответствующую помощь.

Концепция ПОД может быть полезна для изучения стран Восточной Европы и Центральной Азии, которые не присоединились к ЕС и, как представляется, развиваются по модели ПОД с сильным централизованным контролем — кто-то более успешно и на более стабильном уровне, кто-то — менее удачно. В краткосрочном периоде ключевым фактором для большинства из них, по-видимому, будет объем средств, полученных в качестве доходов и ренты от экспорта минерального сырья. Однако в среднесрочной перспективе каждое из этих государств столкнется с проблемой поддержания порядка параллельно с открытием своей экономики, если не политической системы, и достижением уровня открытости, достаточного для роста в секторах, не связанных с добычей минеральных ресурсов.

Недавние события в арабском мире также показывают, почему исследовательская перспектива, предложенная в рамках концепции ПОД, имеет значение. Волна народных восстаний, возникшая сначала в Тунисе в январе 2011 г., привела к смене правительств в Тунисе, Египте, Ливии и к волнениям, результат которых в Сирии, Йемене и других странах еще не определен. Сначала эти революционные движения были встречены с энтузиазмом как народные восстания, которые приведут к демократии и развитию, однако реальные последствия нельзя оценить однозначно. Арабские общества представляют собой ПОД, в которых обычно господствующую роль играет коалиция военных, политических, экономических и религиозных организаций. В Египте и Тунисе происходят революционные перемены, но в рамках ПОД необходима реорганизация коалиций, а не удаление всех влиятельных игроков. Открытый доступ не будет достигнут за один день, а современная демократия и экономическое развитие вряд ли станут результатом этих революционных битв. В Ливии и Сирии ситуация еще менее ясная, и парадигма ПОД не способна предсказать ее возможный исход, но в любом случае он будет связан с еще одним вариантом ПОД.

Естественная реакция на рост насилия внутри ПОД — создать соглашения, которые носят еще более персональный характер, более тесно соотнести соглашения, которые связывают между собой влиятельных индивидов, с рентами, существованию которых

угрожают насилие и отсутствие координации внутри коалиции. Нереалистичные ожидания перемен от арабских и других лидеров не помогут решить первую задачу развития: увеличить продуктивность ПОД. Более изощренное и трезвое видение этой первой задачи может быть необходимым условием реалистичных и плодотворных ожиданий перемен, которые возможны и будут способствовать дальнейшему развитию.

Литература

- Abernethy D.B.* The Dynamics of Global Dominance: European Overseas Empires, 1415–1980. New Haven: Yale Univ. Press, 2000.
- Acemoglu D., Johnson S.* Unbundling Institutions // J. of Polit. Economy. 2008. Vol. 113. P. 945–995.
- Acemoglu D., Robinson J.A.* Economic Backwardness in Political Perspective // American Polit. Sci. Rev. 2006. Vol. 100. No. 1. P. 115–131.
- Akerlof G.A., Yellen J.L.* The Fair Wage-Effort Thesis and Unemployment // Quart. J. of Economics. 1990. Vol. 105. No. 2. P. 255–283.
- Bates R.H.* Markets and States in Tropical Africa: The Political Basis of Agricultural Policies. Berkeley: Univ. of California Press, 1983.
- Idem.* Prosperity and Violence: The Political Economy of Development. N.Y.: Norton, 2001.
- Bhagwati J.* Directly-Unproductive Profit-Seeking (DUP) // J. of Polit. Economy. 1982. Vol. 90. No. 5. P. 988–1002.
- Buchanan J.M., Tollison R.D., Tullock G.* Toward a Theory of the Rent-Seeking Society. College Station: Texas A & M Univ., 1980.
- Collier P.* The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done about It. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, 2007.
- Idem.* Wars, Guns and Votes: Democracy in Dangerous Places. N.Y.: Harper-Collins, 2009.
- Cox G.W., McCubbins M.D.* The Institutional Determinants of Economic Policy Outcomes // Presidents, Parliaments, and Policy / S. Haggard, M. McCubbins (eds.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- De Soto H.* The Other Path the Invisible Revolution in the Third World. N.Y.: HarperCollins, 1989.
- Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990 / Przeworski A., Alvarez M.E., Cheibub J.A., Limongi F. Cambridge Univ. Press, 2000.
- Easterly W.* The *Elusive Quest for Growth*: Economists' Adventures and Misadventures in the Tropics. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
- Engerman S.E., Sokoloff K.L.* Colonialism, Inequality, and Long-Run Paths of Development: NBER Working Paper 11057. 2005.
- Grindle M.S.* Good Enough Governance Revisited // Development Policy Rev. 2007. Vol. 25. No. 5. P. 553–574.
- Guinnane T., Harris R., Lamoreaux N., Rosenthal J.-L.* Putting the Corporation in Its Place // Enterprise and Society. 2007. Vol. 8. No. 3. P. 687–729.
- Haber S., Razo A., Maurer N.* The Politics of Property Rights: Political Instability, Credible Commitments and Economic Growth in Mexico, 1876–1929. Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2003.

- Handler S.P.* Wolves in Sheep's Clothing: Understanding Modern State-Building (and Counterinsurgency): PhD. diss. Stanford Univ., 2010.
- Herbst J.I.* States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control. Princeton: Princeton Univ. Press, 2000.
- Heston A., Summers R., Aten B.* Penn World Table Version 6.3. Center for International Comparisons of Production, Income and Prices at the Univ. of Pennsylvania, 2009. Aug.
- Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale Univ. Press, 1968.
- Khan M.H.* State Failure in Developing Countries and Strategies of Institutional Reform // Toward Pro-Poor Policies: Aid Institutions, and Globalization: proc. of the Annu. Bank Conf. on Development Economics / T. Bertil, N. Stern, I. Kolstad (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press: World Bank, 2004.
- Keefer Ph., Vlaicu R.* Democracy, Credibility and Clientelism // J. of Law, Economics and Organization. 2008. Oct. Vol. 24. No. 2. P. 371–406.
- Krueger A.* Political Economy of the Rent-Seeking Society // American Econ. Rev. 1974. Vol. 64. No. 3. P. 291–303.
- Landes D.S.* The Wealth and Poverty of Nations: Why Some Are So Rich and Some So Poor. N.Y.: W.W. Norton, 1998.
- La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R.* The Quality of Government // J. of Law, Economics, and Organization. 1999. Vol. 15. No. 1. P. 222–279.
- Levi M.* Of Rule and Revenue. Berkeley: Univ. of California Press, 1988.
- Limited Access Orders in the Developing World: A New Approach to the Problems of Development / North D., Wallis J., Webb S., Weingast B. World Bank Policy Research Working Paper 4359. 2007.
- Mittal S.* Constitutional Stability in a Changing World: Institutions, Knowledge, and Adaptive Efficiency: Working Paper, Department of Polit. Sci. Stanford Univ., 2010.
- Mokyr J.* The Lever of Riches: Technological Creativity and Economic Progress. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1990.
- Moore M.* An Upside Down View of Governance. Brighton, UK: The Centre for the Future State, 2010.
- North D.C.* Structure and Change in Economic History. N.Y.: W.W. Norton, 1981.
- Idem.* Understanding the Process of Economic Change. Princeton: Princeton Univ. Press, 2005.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 2009.

- Olson M.* Democracy, Dictatorship, and Development // American Polit. Sci. Rev. 1993. Vol. 87. No. 3. P. 567–575.
- Rents, Rent-Seeking, and Economic Development: Theory and Evidence in Asia / M.H. Khan, K.S. Jomo (eds.). Cambridge, UK: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Rodrik D.* One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. Princeton: Princeton Univ. Press, 2007.
- Shirley M.M.* Institutions and Development. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2009.
- Spiller P.T., Tommasi M.* The Institutional Foundations of Public Policy in Argentina. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.
- The Logic of Political Survival / Bueno de Mesquita B., Smith A., Silverson R.M., Morrow J.D. Cambridge, MA: MIT Press, 2003.
- The Road to an Open Economic and Political Society: Brazil, 1964–2010 / Alston L., Melo M.A., Mueller B., Pereira C.: ms. 2010.
- The Second Mexican Revolution: Economic, Political, and Social Change in Mexico since 1980 / Haber S.H., Klein H.S., Maurer N., Middlebrook K.J. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Tilly Ch.* Coercion, Capital, and European States, AD 990–1990. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1990.
- Webb S.* Political Economy and Mineral Wealth in Latin America and the Caribbean. World Bank, 2010. Processed July 19.
- World Bank 2003. World Development Report: Sustainable Development in a Dynamic World: Transforming Institutions, Growth and Quality of Life. Washington, DC, 2003.
- World Bank 2007. Governance and Anticorruption Strategy. Washington, DC, 2007.
- World Bank 2011. World Development Report 2011: Conflict, Security, and Development. Washington, DC, 2011.

Научное издание

Норт Д.
Уоллис Дж.
Уэбб С.
Вайнгаст Б.

**В тени насилия: уроки для обществ
с ограниченным доступом
к политической и экономической деятельности**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редакторы *И.А. Болдырев, О.А. Шестопалова*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика *С.В. Родионова*
Корректор *О.А. Шестопалова*

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 20.03.2012. Формат 60×88/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 2,91. Уч.-изд. л. 2,2
Тираж 1500 экз. Изд. № 1494. Заказ №